

Глава 20

Шэнь и Линь (часть 1)

Линь Му и не заметил, как привязался к Шэнь Цзяньвэю — словно сладкая ириска.

В голове у Шэнь Цзяньвэя загудело. Он инстинктивно чувствовал, что должен что-то сказать, но не мог выдать ни единого слова.

Он медленно опустился на корточки и подобрал оторванную руку. Движения его были предельно осторожными.

Не проронив ни звука, Шэнь Цзяньвэй подошёл к Линь Му и, в точности повторяя движения, которые только что видел у Гу Цяня, принялся деталь за деталью прикреплять конечность.

Пострадавший, осознавая свою вину, замер с видом нашкодившего ребёнка. Его взгляд блуждал по сторонам — он попросту не решался посмотреть другу в глаза.

Когда человек переживает резкий переход от великой скорби к великой радости, мозг часто даёт сбой, включая механизмы самозащиты. К тому же Шэнь Цзяньвэй в последнее время был настолько измотан, что его физические силы подошли к пределу.

В тот миг, когда последний сустав с тихим щелчком встал на место, мир перед глазами врача окончательно померк.

Линь Му засуетился, издавая жалобные возгласы. Схватившись за голову, он принялся нарезать круги вокруг лежащего на полу Шэнь Цзяньвэя.

В поисках помощи он обратился к Гу Цяню:

— Может, в таких случаях нужно прочитать какое-нибудь заклинание?

— В таких случаях нужно ставить капельницу, — строго поправил его Гу Цянь и велел Глупому псу отнести беднягу в клинику.

Всю дорогу Линь Му не умолкал ни на секунду:

— Я же говорил, что он совсем себя не бережёт! Вечно этот гастрит, режим питания никакой... Посмотрите только на эти синяки под глазами, ими же убить можно! Он совершенно не умеет о себе заботиться. Ах да, чуть не забыл — у него аллергия на сафлуксацин третьего поколения...

Два часа спустя.

Первым делом, открыв глаза, Шэнь Цзяньвэй попытался убедиться, что всё это ему не приснилось.

Он проверял снова и снова. Линь Му действительно был здесь — стоял неподалёку, неловко пытался налить воды и в итоге разбил стакан.

Шэнь Цзяньвэй просто смотрел на него. Смотрел долго, не моргая, боясь упустить видение.

Линь Му, смущённый этим пристальным взглядом, не смел заговорить и лишь неловко переминался с ноги на ногу в паре шагов от кровати.

Гу Цянь с нескрываемым интересом наблюдал за этой немой сценой, а Цзи Лююнь, прижав руки к груди, с восторгом ждал трогательного воссоединения.

— Линь Му, ты... — наконец подал голос Шэнь Цзяньвэй.

Тот вздрогнул, пряча глаза и тщетно пытаясь сохранить самообладание.

— Что «я»?

Шэнь Цзяньвэй, всегда слывший человеком безграничного терпения и безупречных манер, вдруг выдохнул:

— Ну и идиот же ты.

Цзи Лююнь: «?»

Гу Цянь: «...»

— Подойди сюда, — Шэнь Цзяньвэй присел на кровати.

Линь Му окончательно сник. Вцепившись в изножье кровати, он отказался сдвинуться с места, пробормотав:

— Не пойду. Ты злишься, мне страшно.

— Тебе страшно? — Шэнь Цзяньвэй изо всех сил старался говорить ровно, но голос его дрожал и прерывался от слёз.

— Теперь, значит, тебе страшно?

— А когда ты бросался под нож вместо меня, почему тебе не было страшно?!

История Шэнь Цзяньвэя и Линь Му была до боли банальной. Они знали друг друга с пелёнок и росли бок о бок.

Всё началось в небольшом заводском дворике. В каждом таком жилом посёлке всегда находилась одна семья, которую судьба обделила счастьем. Классический набор: отец-алкоголик, вечно безмолвная мать и ребёнок, будто рождённый лишь для того, чтобы служить мишенью для побоев.

Семья Линь была счастливой противоположностью. Линь Му рос милотвидным и послушным мальчиком — плод безупречного воспитания Линь Шаня и госпожи Цзян Чунью. Он был удивительно словоохотлив, для каждого находил доброе слово и обожал шумные компании. Юноша, точно маленький волчок, целыми днями крутился во дворе, и не было человека, который бы его не любил.

Он заглядывал во все двери, кроме одной. Дверь этой квартиры всегда казалась чернее остальных, а изнутри то и дело доносились крики и брань — будто там бесконечно крутили какую-то тяжёлую драму.

Это был дом мастера Шэня, кочегара с завода. Огромный, угрюмый мужчина, от которого вечно несло спиртным. С лицом мясника и тяжёлым нравом, он по возвращении домой принимался избивать жену. Слава о нём шла дурная, и соседи старались обходить их квартиру стороной.

Той ночью случилось нечто из ряда вон выходящее. Двор огласил вой сирен, ослепительный свет маячков прорезал тьму. Из подъезда выкатили каталку, накрытую синей тканью.

Следом, едва заметной тенью, шёл ребёнок. Он не сел в машину, а просто замер, опустившись на корточки у входа в подъезд.

Линь Му узнал его. Это был сын того самого кочегара. Мальчик, как и его отец, слыл нелюдимым и злым. Дворовые ребята с ним не водились — он не умел играть, а на любое слово отвечал кулаками, причём бил всерьёз, до крови.

Линь Му и сам не горел желанием с ним общаться. В тот момент он вместе с родителями стоял в дверях подъезда, провожая взглядом уезжающую полицию.

Сквозь решётку железной двери фигурка мальчика казалась совсем крошечной. Он сжался в комок — казалось, дунь ветер, и его унесёт.

— Почему он не идёт домой? Зачем он там сидит? — недоумевал Линь Му.

Он услышал, как мама тяжело вздохнула.

— Беда-то какая, — проговорила она.

— Какая беда? — Линь Му поднял голову.

Цзян Чунью посмотрела на своего наивного сына, не зная, как подобрать слова. Она погладила его по голове и тихо попросила:

— Малыш, отнеси тому мальчику конфету.

Линь Му насупился и крепче сжал кулаки в карманах. Эти сладости он весь день выпрашивал у соседей, а этот Шэнь — злюка, он не хотел с ним дружить и тем более делиться.

— Иди, — снова мягко настояла мать. — У него больше нет мамы.

Линь Му не понял этих слов. Как это может быть, чтобы у кого-то не было мамы?

Он снова посмотрел на тёмный силуэт сквозь сетку двери. Взрослые уже начали расходиться по домам, кто-то останавливался рядом с мальчиком, но тот даже не поднимал головы.

— Как это — нет мамы? — переспросил Линь Му.

— Она же всегда была дома.

Цзян Чунью всхлипнула и снова тяжело вздохнула. Линь Шань обнял жену за плечи и слегка подтолкнул сына к выходу.

— Послушай маму. В выходной я куплю тебе конфет, целых два мешка.

Только тогда Линь Му согласился.

Дети — существа простые: когда им дают повод, они делают шаг вперёд. Но в глубине души он всё равно побаивался этого «дитя несчастья». Раньше они пересекались мельком, и Линь Му помнил его взгляд — дикий, холодный, из-под спутанных грязных волос. Однажды тот так на него посмотрел, что мальчику ночью приснился кошмар, а наутро он даже описался от страха. Но об этом он, конечно, никому не рассказывал — слишком было стыдно.

И вот теперь, подталкиваемый родителями, он медленно подошёл к мальчику.

«Какой же он грязный», — подумал Линь Му, впервые оказавшись так близко.

Спутанные волосы закрывали лицо, уткнувшееся в колени. Ребёнок обхватил голову руками, а на его рукавах виднелись какие-то бурые пятна. Он даже не шелохнулся, почуяв чужое присутствие.

Линь Му шмыгнул носом, собираясь с духом. Он хотел что-то сказать, но вдруг осознал, что даже не знает, как того зовут. Взрослые называли его «сыном Шэня», «мальчишкой Шэней» или просто «тем малым». Сверстники за глаза звали его «призраком», а те, кому от него досталось — «паршивым отродьем». Но по имени его не называл никто.

— Эй, — наконец решился Линь Му. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Ответом была тишина.

Грязный мальчишка прятал лицо, будто пытался отгородиться от всего мира. Линь Му это задело. Какой невоспитанный, подумал он и уже хотел было крикнуть громче, как вдруг замер.

Тусклый свет лампочки над подъездом, затянутой густой паутиной, едва разгонял мрак. Линь Му не сразу заметил, что плечи мальчика мелко дрожат.

— Ты... ты плачешь? — сорвалось у него с языка.

Мальчик мгновенно отреагировал — вскинул голову и вперил в него тот самый взгляд, от которого Линь Му мочился в постель.

Линь Му задрожал, в голове воцарилась пустота. Он невольно вспомнил дворовые легенды: говорили, что этот ребёнок — демон-кредитор, который пьёт человеческую кровь и ест плоть. Иначе как мог взгляд ребёнка быть настолько свирепым?

Линь Му судорожно полез в карман. Забыв о планах оставить самое вкусное себе, он выгреб всё, что было, и протянул конфеты на раскрытой ладони, зажмурившись в ожидании.

Мальчик злобно уставился на него. Спустя мгновение он выпрямился, но вместо того, чтобы взять угощение, с силой ударил Линь Му по руке. Раздался громкий хлопок, и конфеты рассыпались по асфальту.

Сначала рука Линь Му онемела, а затем её обожгло острой болью. Он не стал раздумывать — просто разрыдался.

Плача на бегу, он промчался через двор, влетел в подъезд и бросился в объятия матери:

— Он меня ударил! Никогда больше с ним не заговорю!

Сказано — сделано. Вернувшись в свою комнату, Линь Му долго не мог уснуть, баюкая ушибленную руку. Их окна выходили как раз на соседний подъезд.

Он осторожно отодвинул край шторы. Маленькая тень всё так же сидела на корточках у двери, а вокруг на земле пестрели обёртки разбросанных конфет.

Зная, что тот его не видит, Линь Му всё равно ощутил укол страха. Он не решился крикнуть, а лишь скорчил рожицу в сторону окна и прошептал:

— Ты злой демон! Я никогда не буду с тобой играть!

Ребёнок не знал истинного смысла слова «демон», он просто использовал самое страшное, что приходило в голову, чтобы описать то, что ему не нравится.

В ту ночь Линь Му не описался. Но если бы утром он снова не увидел мальчика на том же месте, то, возможно, и вовсе забыл бы об этой истории. Тот просидел там всю ночь, и от этого зрелища на душе становилось как-то беспокойно.

За завтраком Линь Му ел без аппетита.

— Почему он не идёт домой? — спросил он невпопад.

Родители переглянулись. Линь Шань и Цзян Чунью поняли, что сын всё ещё думает о соседском мальчишке. Мать положила сыну в тарелку свежий пончик.

— С его мамой вчера случилась беда. Ему сейчас очень плохо.

— Я знаю, — пробормотал Линь Му, пережёвывая тесто.

— Я видел, как он плакал.

— Вот как.

— А когда мама вернётся, ему станет лучше? — Линь Му не любил этого мальчика, но не любил и когда кому-то грустно.

— Когда его мама придёт?

Дети не понимают окончательности смерти. Этот вопрос был слишком тяжёлым для родителей. Нужно было ответить правду, но так, чтобы не ранить слишком сильно.

— Понимаешь, малыш... его мама больше никогда не вернётся.

Линь Му поднял голову.

«Как же так? — подумал он. — Значит, ему всегда будет больно?»

Пятилетний ребёнок не осознавал, что такое жизнь и смерть, он просто запомнил: тому мальчику сейчас очень плохо.

Линь Му тайком спрятал кусок пончика в широкий рукав, наивно полагая, что никто не заметил. Мать лишь тихо улыбнулась.

Маленький герой снова отправился в путь. Пончик был ещё тёплым, и аромат жареного теста дразнил нос.

Мальчик всё так же сидел у подъезда. Видимо, голод взял своё — несколько конфет на земле были развёрнуты. Почуввав запах еды, он поднял лицо. На щеках застыли грязные дорожки от слёз.

Не успел Линь Му протянуть угощение, как мальчик выхватил пончик и впился в него зубами. Он ел так жадно и яростно, что случайно прикусил палец Линь Му.

— А-а-а! — от боли и испуга Линь Му снова залился слезами. Он попытался вырвать руку, но безуспешно. В итоге он с рёвом бросился назад, в объятия отца, который как раз выкатывал велосипед.

— Он кусается! — жаловался он сквозь рыдания.

Линь Шань ещё издали видел, как его сын кормит соседа. Он усмехнулся и сказал жене:

— Похоже, пацан совсем оголодал.

— Не то слово. Его отец со вчерашнего вечера носа не кажет, — Цзян Чунью вышла из дома с

чашкой соевого молока и парой свежих пончиков.

Линь Му, обиженно потирая палец, буркнул:

— Не давай ему ничего, он кусается.

Линь Шань рассмеялся и, решив поддразнить сына, ответил:

— Ну, раз ты так говоришь... пусть сидит голодный и мучается.

Линь Му шмыгнул носом.

— Ну... когда голодно, живот болит.

Он вытер слёзы рукавом.

— Ладно уж, дай ему.

Линь Му уже заканчивал детский сад и с нетерпением ждал похода в школу. Голова ребёнка каждый день забита новыми впечатлениями, и вскоре он совсем забыл о грязном мальчишке.

Вспомнить о нём пришлось, когда Линь Шань забирал сына из садика. Стоило велосипеду повернуть во двор, как послышался грубый мужской ор.

— Паршивое ты отродье! — мастер Шэнь тряс сына за шиворот, словно бродячего котёнка.

Раздался глухой удар — он швырнул ребёнка на землю.

Линь Шань резко затормозил. Листья капусты в багажнике испуганно затрепетали. Линь Му на заднем сиденье задрожал всем телом.

Отец велел жене увести сына домой, а сам бросился в гущу толпы. Мастер Шэнь наградил сына звонкой затрепцовой. Ребёнок повалился в пыль, сжавшись в комок, но не издал ни звука.

Линь Му, вцепившись в мамину юбку, с силой сжал кулаки. Он боялся смотреть, но и закрыть глаза не мог.

Мальчик прижался щекой к земле, и слёзы промывали светлые дорожки на его грязном лице. Глядя на это, Линь Му почувствовал, как к горлу подступают слёзы. Он вспомнил, как тот его укусил — даже это было больно. Какую же невыносимую боль он должен чувствовать сейчас?

Там, в пыли, лежал соседский мальчишка, но Линь Му казалось, будто ударили его самого.

Линь Шань остановил разбушевавшегося отца. Тот, разразившись проклятиями, подхватил бутылку и, шатаясь, скрылся под осуждающими взглядами соседей.

Цзян Чунью, не выдержав, отвела мальчика к себе домой, чтобы обработать раны. Она осторожно обтирала его лицо и тело мокрым полотенцем, но как бы нежно она ни действовала, всё равно задевала ушибы.

Грязь и кровь постепенно смывались, обнажая багровые кровоподтёки. Мальчик вздрагивал от боли, но по-прежнему хранил молчание.

— Малыш, если больно — скажи, — мягко проговорила женщина.

Но тот лишь низко опустил голову, его ресницы мелко дрожали.

Линь Му с тревогой присел рядом:

— Почему ты не плачешь? Разве тебе не больно?

Мальчик поднял взгляд на Линь Му, и от этого взгляда у взрослых в комнате сжалось сердце.

Спустя несколько дней пришло известие: пьяный мастер Шэнь свалился в реку и утонул. О смерти Линь узнали, когда во двор пришёл дед мальчика по материнской линии.

Снова поднялся шум. Старик стоял посреди двора и вопил, негодуя, что приют отказывается забирать ребёнка.

Линь Шань не выдержал такой несправедливости:

— Как вы можете так говорить? Он же ваш родной внук!

— Внук? — старик злобно усмехнулся.

— Его мать — бесстыжая тварь, какой ещё внук? Сбежала с кем-то, нагуляла этого выродка, а когда жизнь прижала — руки на себя наложила. И она думала, что я буду это разгрести?

В итоге, когда ему пригрозили судом за оставление ребёнка в опасности, старик долго и яростно мерил двор шагами. Напоследок он сплюнул, взял у охранника адрес и пообещал присылать по десять юаней в месяц.

Десять юаней.

Когда одна булочка стоит три мао, десяти юаней не хватит ребёнку даже на две недели скромной еды.

Люди спорили, ругались, советовали. А мальчик всё так же сидел у подъезда, обхватив колени руками. Он молчал и не плакал.

Он всё понимал. Теперь у него были только утонувший отец, мать-самоубийца и дед, который от него отрёкся.

Линь Му не понимал, о чём кричат взрослые. Он осторожно подошёл к мальчику и присел рядом. Снова вспомнил, как тот его укусил.

«Какой же я был глупый, — подумал он. — Подумаешь, укусили, стоило из-за этого реветь?»

Мальчику сейчас по-настоящему больно, а он не плачет.

Линь Му достал из кармана несколько конфет и коснулся плеча соседа:

— На, съешь сладкого.

Мальчик шевельнул рукой, но головы не поднял. Линь Му не знал, как утешить того, кому не помогают даже конфеты, и просто остался сидеть рядом.

Линь Му пошёл в первый класс, и его сосед тоже. Всеми документами занимался Линь Шань. Перед началом учебного года семья Линь отправилась за покупками. Отец купил для соседа такой же набор школьных принадлежностей, как и для сына.

Именно тогда Линь Му узнал его имя. Его звали Шэнь Цзяньвэй.

Линь Шань вместе с сыном принесли вещи Шэнь Цзяньвэю. Отец и сын, нагруженные

свертками и пакетами, постучали в дверь. Мальчик открыл им, но тут же молча отошёл в сторону, не поднимая глаз. Линь Шань разложил покупки на столе, объясняя, что для чего нужно.

Линь Му, вцепившись в отцовский пиджак, прошептал:

— Те тетрадки я сам выбирал.

— Спасибо, дядя, — едва слышно проговорил Шэнь Цзяньвэй. — Я верну вам деньги.

— Глупости, — Линь Шань ласково погладил его по голове. — Ничего не нужно возвращать.

Но мальчик настоял:

— Я верну.

Линь Му радостно подскочил к нему:

— Так ты не немой!

Линь Шань прикрыл сыну рот ладонью и оттащил его назад. Он ещё раз наказал Шэнь Цзяньвэю приходить к ним, если возникнут трудности.

Начальная школа принесла много открытий. Линь Му быстро завёл друзей, а Шэнь Цзяньвэй ходил на уроки с плетёной сумкой — после занятий он собирал бутылки на продажу. Линь Му это казалось забавным, он часто пытался увязаться следом, но Шэнь Цзяньвэй всякий раз его прогонял.

Однажды юноша увидел, как старшеклассники обступили Шэнь Цзяньвэя.

— Помойщик! Бутылки собираешь!

— Даже родители от тебя отказались!

Линь Му вскипел от гнева. Ему было больно слышать такие слова — они напоминали о том, как Шэнь Цзяньвэя били во дворе.

— Вы его обижаете! — Линь Му выскочил вперёд и заслонил собой друга.

— Я всё учителю расскажу!

Старшим ребятам было плевать на этих малышей. В том возрасте сила была единственным мерилом авторитета. Несмотря на худобу, Шэнь Цзяньвэй дрался яростно и жестоко, но противников было слишком много. В конце концов Линь Му уже и сам не понимал, от кого получает удары. Шэнь Цзяньвэй схватил его за руку и утащил прочь.

Только добежав до двора, Линь Му спохватился:

— Ой, твои бутылки! Мы их оставили...

Шэнь Цзяньвэй оборвал его, указывая на ссадину под глазом:

— Никогда больше не лезь в мои дела.

Голос его звучал грубо. Линь Му упрямо вскинул подбородок:

— Буду лезть!

— Не смей!

— Буду!

— Да почему?! — вдруг закричал Шэнь Цзяньвэй.

От неожиданности Линь Му моргнул, но не сдался:

— Имею право! Твоя одежда куплена моим отцом! Рюкзак и пенал тоже!

Шэнь Цзяньвэй плотно сжал губы. Он долго смотрел на Линь Му, его глаза покраснели, и вдруг он начал стягивать с себя куртку.

— Ты что делаешь?! — испугался Линь Му.

Шэнь Цзяньвэй молчал. С каждой вещью, которую он снимал, его друг рыдал всё громче. В итоге мальчик просто бросился к нему и крепко обнял.

— Не смей! Я не разрешаю тебе раздеваться!

Двое детей сцепились в нелепой борьбе: один упрямо пытался раздеться, а другой с рёвом удерживал его одежду. Когда Линь Шань вернулся с работы, он застал своего сына, который, всхлипывая и икая, висел на Шэнь Цзяньвэе. Отец не стал вмешиваться — он просто долго

смеялся, привалившись к велосипеду.

Детские обиды горьки, но недолговечны. Линь Му твёрдо решил, что больше никогда не заговорит с Шэнь Цзяньвэем. Но ему во что бы то ни стало нужно было показать, как сильно он рассержен.

Поэтому каждый день после школы, когда Шэнь Цзяньвэй сидел у подъезда и пересчитывал бутылки, его друг с важным видом подходил к стене дома. Игнорируя сидящего на земле человека, он принимался жаловаться углу здания.

Линь Му обожал давать вещам прозвища и говорил с ними очень доверительно.

— Стеночка, послушай меня. Мой рюкзак гораздо больше, в него влезло бы намного больше бутылок, а этот упрямец меня прогнал.

— И за обедом он от меня прячется! Мама дала мне две куриные ножки, а я его найти не смог.

— И вообще, я не скажу ему, что у меня есть новые наклейки и ластик с запахом клубники.

— Он даже после школы со мной не идёт, убегает вперёд! А он ведь не знает, что мама сегодня тушит рёбрышки!

— Он просто глупец!

После каждой фразы мальчик искоса поглядывал на Шэнь Цзяньвэя, нарочно повышая голос.

— Он думает, я расстроюсь, что он со мной не говорит? Как бы не так! Мне до него дела нет!

Юноша сам не заметил, как голос его задрожал. Он сердито вытер слёзы и топнул ногой.

— Терпеть его не могу!

Шэнь Цзяньвэй, которому это явно надоело, перетащил сумку в другую сторону. Линь Му тут же переместился к другому углу и продолжил свой монолог. Прохожие забавлялись этим зрелищем, а Линь Шань даже приводил жену, чтобы вместе послушать отчёты сына. Но юному жалобщику было плевать на свидетелей — он стоял на своём посту каждый день, хныча и жалуясь стенам. Шэнь Цзяньвэю оставалось лишь вздыхать от досады.

Линь Шань не раз пытался убедить Шэнь Цзяньвэя бросить это занятие с бутылками, но парень был непреклонен. В конце концов мужчина лишь сказал:

— Тогда старайся возвращаться домой пораньше.

Тот серьёзно кивнул.

— А то наш маленький герой снова изведёт все углы жалобами на тебя, — добавил Линь Шань с улыбкой.

Шэнь Цзяньвэй лишь крепче сжал ручки сумки.

Линь Му искренне верил, что больше никогда не будет дружить с Шэнь Цзяньвэем. Он даже начал ходить из школы кружным путём, лишь бы не сталкиваться с ним. И вот, идя по закоулкам и бормоча себе под нос очередные обиды, он нос к носу столкнулся со сворой огромных бродячих псов.

Юноша застыл от ужаса, а в следующее мгновение разразился истошным криком.

Шэнь Цзяньвэй как раз неподалёку собирал тару. Услышав плач, он поначалу не хотел вмешиваться, но по звуку мгновенно узнал автора. У Линь Му был уникальный талант плакать узнаваемо: сначала короткий «у-у-у» в качестве предупреждения, затем громкий рёв, прерываемый икотой — он сопел и хрюкал так, что слышно было за версту. Казалось, он вот-вот задохнётся от собственных рыданий.

Шэнь Цзяньвэй бросил бутылки и, размахивая пустой сумкой, отогнал собак. Несмотря на недавнюю ссору, Линь Му, увидев своего спасителя, снова обиженно заныл:

— Ты же... ик... со мной не разговариваешь.

Шэнь Цзяньвэй молча посмотрел на него. Но стоило ему сделать шаг, как друг вцепился в его руку.

— Проводи меня... мне страшно...

Шэнь Цзяньвэй опустил взгляд. Линь Му выглядел жалко: покрасневший нос, глаза на мокром месте, слёзы вперемишку с соплями и непрекращающаяся икота.

Шэнь Цзяньвэй повёл его к дому. Его спутник плёлся следом, оглашая улицу громкими звуками, похожими на взрывы петард.

— Перестань икать, — нахмурился Шэнь Цзяньвэй.

— Я... ик... не специально, — оправдывался Линь Му, размазывая слёзы.

— После того как поплачешь... всегда так.

Шэнь Цзяньвэй вздохнул и прибавил шагу. Сопровождаемый им мальчик не унимался:

— Ты такой вредный! Я так испугался, а ты меня даже не пожалеешь.

Тот молчал.

— Вот видите, вы снова молчите... — Линь Му снова был готов зарыдать.

Шэнь Цзяньвэй остановился и резко повернулся к нему:

— Меня в жизни только били. Меня никто никогда не жалел, я не умею этого делать.

Линь Му захлопал мокрыми ресницами и прикусил губу. Какое-то время они шли в тишине, но натура взяла своё. Он слегка дернул друга за рукав.

— Давай помиримся?

Шэнь Цзяньвэй посмотрел на свою руку, не понимая, к чему это. Ведь Линь Му сам решил обидеться — верх ребячества.

— Ну давай, давай, давай! — заладил тот как заведённый, заглядывая другу в лицо. — Обещаю больше не жаловаться стенам!

Ребёнок, выросший в любви, даже говорит так, будто у него во рту сахарная вата. Осаждённый этим напором, Шэнь Цзяньвэй коротко бросил:

— Ладно.

Линь Му тут же просиял. Несмотря на продолжающуюся икоту, его глаза весело прищурились.

— Я так и знал, что ты хочешь со мной дружить!

Линь Му вечно плакал по любому поводу, но за всё время учёбы он ни разу не видел слёз Шэнь

Цзяньвэя. Это его задевало, и он втайне поклялся стать сильнее своего друга. Однако старая привычка брала своё: стоило Линь Му расстроиться или обидеться, он первым делом звал Шэнь Цзяньвэя. И эту привычку он сохранил на всю жизнь.

Спустя год семья Линь купила машину — они были первыми в своём дворике, кто обзавёлся собственным авто. По выходным они часто выезжали на природу и всегда брали Шэнь Цзяньвэя с собой. Линь Му обычно засыпал на заднем сиденье, заваливаясь набок, словно бесформенный комок теста, и оттесняя друга в самый угол.

Шэнь Цзяньвэй упирался локтем в ручку двери и в крайне неудобной позе создавал свободное пространство между собой и спящим другом, прикрывая ладонью острые углы сиденья. Как бы сильно ни трясло машину, голова Линь Му всегда приземлялась на мягкую ладонь Шэнь Цзяньвэя.

Видя это, Цзян Чунью чувствовала, как сжимается сердце.

— Ты самый чуткий ребёнок из всех, кого я знаю, — не выдержала она однажды.

Тот долго не знал, что ответить, и в итоге лишь низко опустил голову, пряча взгляд. Когда Линь Му проснулся, родители всё ещё нахваливали соседа.

— А я? Я тоже хороший! — тут же возмутился он.

— А разве Шэнь Цзяньвэй плохой? — Линь Шань взглянул на сына в зеркало заднего вида.

Шэнь Цзяньвэй тоже посмотрел на Линь Му.

— Я... — юноша осёкся, переводя взгляд с отца на друга и нервно теребя пальцы. — Мы оба хорошие!

Родители дружно рассмеялись.

— Не смейте надо мной потешаться! — покраснел Линь Му.

Но смех стал только громче. Не в силах остановить родителей, он выместил обиду на друге:

— Из-за тебя я выставил себя дураком! Теперь ты обязан дружить только со мной.

Подумав, что этого мало, он добавил:

— И больше ни с кем!

Шэнь Цзяньвэй несколько секунд смотрел на него, а потом отвернулся к окну. Пейзаж за стеклом стремительно убежал назад — точь-в-точь как ускользающее время.

Буква к букве, штрих к штриху — грамота была освоена, а дети выросли. В средней и старшей школе Шэнь Цзяньвэй перестал быть молчуном. Хотя он и оставался холодным и сдержанным, он научился общаться с одноклассниками. Благотворительный фонд отметил его успехи, и теперь он каждый семестр получал стипендию, так что собирать бутылки больше не требовалось.

Линь Шань всегда покупал всё в двух экземплярах, а Цзян Чуньюлю изо всех сил старалась получше откормить обоих мальчишек. Линь Му же оказался в своей стихии — его общительность была словно пропитана мёдом. Мягкий голос, лучезарная улыбка... На его лице будто было написано: «Я твой лучший друг». Он охотно принимал угощения и без лишних слов давал списывать домашку. Его искренность и ясный взгляд не позволяли окружающим заподозрить в нём легкомыслие.

Этот парень мог найти общий язык с кем угодно, но всякий раз, когда случалось что-то интересное, он первым делом поворачивался к Шэнь Цзяньвэю, который обычно сидел позади.

Линь Му даже не замечал, что для всех остальных он был просто сладким леденцом, но для Шэнь Цзяньвэя — тягучей ириской.

Годы в средней школе пролетели весело, хотя не обходилось и без эксцессов. Подростки любят бить по больному, чтобы почувствовать собственное превосходство. О прошлом Шэнь Цзяньвэя знали многие, и однажды группа парней окружила его, называя выродком.

Тот, не говоря ни слова, просто пустил в ход кулаки.

Линь Му узнал об этом во время игры в баскетбол. Услышав, что его друг вышел победителем из драки один против четверых, он не удержался от восторженного комментария в его адрес, а затем со всех ног припустил к учительской.

В восьмом классе у них сменился классный руководитель. Приезжий педагог ещё не знал всех тонкостей и уже собирался вызвать родителей Шэнь Цзяньвэя.

— Я его родитель! — выпалил Линь Му, врываясь в кабинет.

Учитель опешил, а преподаватель химии, сидевший рядом, не сдержал смеха:

— Этот мальчишка всегда такой. Стоит кому-то косо посмотреть на Шэнь Цзяньвэя, как он переживает больше самого Шэня. Он и впрямь его семья.

Классрук хотел было возразить, но химик отвел его в сторону и вкратце объяснил ситуацию. Учитель заметно смягчился. А Линь Му тем временем продолжал яростно отстаивать справедливость:

— Шэнь Цзяньвэй никогда не лезет первым! Это они его спровоцировали!

Он говорил так горячо, что его глаза снова подозрительно покраснели. Его друг молча смотрел на него — взгляд его был глубоким и неподвижным.

В старшей школе начался период бурного взросления. Подростки обожали шептаться на запретные темы, распаяя собственное воображение и стремясь втянуть в обсуждение как можно больше сверстников. Тем жарким летом даже воздух от вентиляторов казался раскалённым.

Линь Му раздобыл где-то сомнительный диск и с таинственным видом притащил его к Шэнь Цзяньвэйю. С вороватым видом он задернул шторы и вставил диск в проигрыватель.

В полумраке комнаты Линь Му застыл перед экраном, не сводя глаз с изображения. Шэнь Цзяньвэй сидел на диване и смотрел на затылок друга — волосы там всегда забавно топорщились.

Юноша вытянулся, его голос стал грубее. На его шее выступили капли пота, мерцающая в призрачном синем свете телевизора. С экрана доносились двусмысленные звуки. Вентилятор шумно вращался, то и дело задирая край футболки Линь Му, обнажая поясницу. Тот не отрывался от экрана, лишь иногда нервно подергивая плечами.

В комнате смешивались гул вентилятора, звуки фильма и бешеное сердцебиение, которое невозможно было скрыть.

— Послушай... — внезапно обернулся Линь Му. Его глаза лихорадочно блестели.

— Тебе когда-нибудь снилось такое? Ну, как в учебниках описывают?

— Нет, — выдавил Шэнь Цзяньвэй, чувствуя, как пересохло в горле.

— А как тебе это? Ну, ты чувствуешь... реакцию?

Тот снова ответил «нет». Линь Му не поверил и решил проверить лично.

Шэнь Цзяньвэй резко вскочил.

— Уходи!

Он схватил друга за плечи и потащил к двери. Тот возмущенно заворчал:

— Эй, ты чего?

Но хозяин комнаты был сильнее. Выставив Линь Му за порог, он услышал:

— Диск-то хоть отдай!

Дверь захлопнулась. Линь Му барабанил в неё, требуя впустить, а внутри Шэнь Цзяньвэй вытирал вспотевшие ладони. В конце концов он просто закрыл лицо руками и медленно опустился на пол.

После того случая Шэнь Цзяньвэй долго избегал общения. Стоило другу приблизиться, как тот сразу находил повод уйти. Тщетно Линь Му пытался воззвать к его совести или подкараулить у дома — всё было бесполезно. Шэнь Цзяньвэй хранил ледяное молчание.

Этому противостоянию положил конец случай. Во время большой перемены Линь Му зазевался и получил баскетбольным мячом прямо в лицо. По площадке пронёсся испуганный вздох. Оглушенный ударом, юноша почувствовал, как чьи-то руки осторожно обхватили его голову.

— Голова кружится? — услышал он знакомый голос.

— Ты же... ик... со мной не разговариваешь, — пробормотал Линь Му, утирая кровь из носа.

Шэнь Цзяньвэй не стал спорить и повел его в медпункт. Перелома не было, нужно было просто полежать в тишине. Линь Му сидел на кушетке с ватными тампонами в носу и искоса поглядывал на друга.

— Ты на меня злишься?

Тот покачал головой.

— Тогда почему ты со мной не говоришь? Из-за того диска? Я просто...

— Замолчи, — перебил его Шэнь Цзяньвэй.

— Ну скажи мне! Я же только о тебе и думаю, — упрямылся Линь Му.

— Ты что, застылся?

Собеседник посмотрел на его распухший нос:

— Ты можешь хоть иногда не лезть не в свои дела?

— Не могу! — Линь Му попытался наклониться к нему.

— Если ты не перестанешь от меня бегать, я снова пойду жаловаться стенам!

Шэнь Цзяньвэй тут же прижал его голову к подушке:

— Не вертись.

Его подопечный послушно замер.

— Только обещай, что больше не будешь прятаться.

Тот посмотрел ему в глаза и тихо выдохнул:

— Обещаю.

Жизнь Линь Му в старшей школе была ключом. Привлекательный, открытый, он всегда был в центре внимания. Любовные письма сыпались на него градом, и иногда он не без самодовольства хвастался ими перед другом.

— Гляди! — торжественно потряс он конвертом.

— Снова признание!

Шэнь Цзяньвэй оторвался от учебника и негромко заметил:

— Это чьи-то чувства к тебе, а ты превращаешь их в повод для хвастовства.

Линь Му осекся. Он слишком хорошо знал друга и понимал, что этот тон не сулит ничего

хорошего. Тот был явно недоволен.

— Чужая симпатия для тебя — просто забава? — продолжал Шэнь Цзяньвэй.

Линь Му медленно опустил конверт.

— Я вовсе не это имел в виду...

Собеседник снова углубился в тетрадь, выводя формулы с такой силой, что перо едва не прорывало бумагу. Глядя на его побелевшие костяшки пальцев, Линь Му почувствовал, как сердце уходит в пятки. Он поспешил сменить тему:

— А ты не хочешь ни с кем встречаться?

Шэнь Цзяньвэй замер на секунду.

— А ты хочешь?

— Хочу, конечно, — Линь Му приободрился, видя, что тот заговорил.

— Мы в таком возрасте, когда самое время для любви! Вместе ходить в школу, вместе обедать...

Голос юноши стал мечтательным.

— Обниматься, держаться за руки, и...

Шэнь Цзяньвэй с грохотом захлопнул книгу. Линь Му замолчал на полуслове, глядя на его плотно сжатые, побелевшие губы. Тревога снова накрыла его. В классе воцарилась тишина, нарушаемая лишь оглушительным стрёкотом цикад за окном.

Вскоре Линь Му осознал: Шэнь Цзяньвэй снова начал его избегать. На этот раз он был по-настоящему возмущен — как можно так легко нарушать обещания?! Стоило заговорить о любви, и тот сразу впал в ярость. Шэнь Цзяньвэй просто болен, решил он.

Линь Му снова поклялся игнорировать друга. Он демонстративно обедал в компании других ребят и нарочно громко смеялся, когда Шэнь Цзяньвэй проходил мимо. Но тому, казалось, было всё равно — он полностью ушел в учебу. Всякий раз, когда Линь Му украдкой поглядывал в его сторону, он видел лишь склонённую над книгами голову.

Так продолжалось до объявления результатов промежуточных экзаменов.

— Сяо Вэй просто молодец, — с гордостью произнёс Линь Шань за ужином.

— Первое место в параллели, отрыв от второго — сорок с лишним баллов.

Цзян Чунью с улыбкой добавила:

— Ты слишком много работаешь, совсем исхудал.

Шэнь Цзяньвэй молча ковырялся в своей тарелке. Линь Му замер с палочками на полпути к рту. Он искоса взглянул на друга и понял, что тот и впрямь осунулся. Но гордость не позволяла ему пойти на мировую.

Ковыряя рис, юноша пробормотал:

— Мы же договаривались быть бездельниками, как ты мог так подло вырваться вперед?

Госпожа Цзян отвесила сыну легкий подзатыльник:

— Опять ты за своё! Не вздумай сбивать Сяо Вэя с пути.

Шэнь Цзяньвэй поднял взгляд — Линь Му, надувшись, потирал макушку.

— Спасибо, дядя, тетя, я наелся, — он встал и отнес посуду в раковину.

— Оставь, я сама помою! — засуетилась Цзян Чунью.

— Ел бы побольше, кожа да кости остались.

Линь Му снова глянул на друга, и внезапно его кольнуло чувство вины.

«Ну и дрянь же я», — подумал он. При обстоятельствах Шэнь Цзяньвэя учеба была его единственным шансом на будущее. А он, лучший друг, вместо поддержки только и делал, что болтал о всяких глупостях.

Линь Му уткнулся лицом в миску, готовый провалиться сквозь землю. Он чувствовал себя никчемным эгоистом и полным идиотом.

— Я... я тоже наелся, — он отставил тарелку и убежал в свою комнату.

Спустя мгновение он выскочил оттуда с охапкой учебников и припустил к соседскому подъезду. Шэнь Цзяньвэй преградил ему путь в дверях.

— Чего тебе?

Линь Му, прижимая книги к груди, замялся:

— Ну... в общем, я был неправ.

Тот остался бесстрастен.

— И в чем же?

— В том, что валял дурака, — Линь Му опустил голову.

— Я хочу поступить в хороший университет вместе с тобой.

Юноша долго смотрел на друга, а потом тихо спросил:

— А как же любовь?

— Да какая там любовь! — горячо воскликнул Линь Му. — Клянусь!

Шэнь Цзяньвэй продолжал молча изучать его лицо.

— Честное слово! — Линь Му торжественно поднял руку.

— Если я ещё хоть раз заикнусь об этом, пусть стены кроют меня на чём свет стоит!

Этот парень определённо не мог оставить углы в покое. Хозяин дома наконец не выдержал и улыбнулся. Он улыбался крайне редко, и в такие моменты всё его лицо преображалось, становясь мягким и живым. На щеках проступили едва заметные ямочки — улыбка была тихой, но невероятно притягательной.

«Когда этот замарашка успел стать таким красивым?» — пронеслось в голове у Линь Му. Тот замер, не в силах отвести глаз, пока Шэнь Цзяньвэй не отступил в сторону.

— Заходи.

<http://bllate.org/book/15848/1436265>